

✦ Классическое наследие

ГЕРБЕРТ СПЕНСЕР*

ОСНОВАНИЯ СОЦИОЛОГИИ. ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. ЦЕРКОВНЫЕ ИНСТИТУТЫ**

Аннотация: В заключительной главе этой части книги автор предлагает общий очерк эволюции религиозных идей и чувств, особенно подробно рассматривая развитие поздних представлений о божестве из представлений о призраках, в связи с эволюцией общества и религиозных институтов.

Abstract: In the final chapter of this part of the book the author presents a general outline of the evolution of religious ideas and sentiments paying special attention to the development of modern conceptions of deity stemming from the early notions of ghosts, in relation to the evolution of society and ecclesiastical institutions.

Ключевые слова: религия, религиозные институты, теория призраков, эволюция.

Keywords: religion, religious institutions, ghost theory, evolution.

Глава XVI. Прошлое и будущее церковных институтов***

§ 656. Как перед описанием происхождения и развития церковных институтов необходимо было описать происхождение и развитие религии, так и вероятное будущее церковных институтов невозможно предсказать, не показав вероятное будущее религии. А следовательно, завершение предыдущей главы неизбежно предвосхищает содержание этой. Здесь после краткого перечисления основных черт религиозной эволюции я собираюсь привести обоснования тех выводов, которые были только что сделаны относительно конечной формы религии.

В отличие от обыденного сознания, религиозное интересуется тем, что лежит по ту сторону чувственной сферы. Животное думает только о вещах, которые можно потрогать, увидеть, услышать, попробовать на вкус и т.д.; и точно так же поступают малолетний ребенок, необученный глухонемой и неразвитый дикарь. Меж тем у развивающегося человека появляются мысли о существах, которые он считает обычно неосознаваемыми, неслышными и незримыми, но все же воздействующими на него. Что

---

* Перевод публикуется в редакции переводчика.

** *Окончание.* Начало в предыдущих выпусках. Перевод сделан по изданию: Spencer H. *The Principles of Sociology*. Vol. III. N.Y.: D. Appleton and Company, 1900. P. VII, 3-175.

*** За исключением вводного параграфа и одного предложения, добавленного в последний параграф, эта глава представлена здесь в том виде, в каком она была впервые опубликована в январском номере *Nineteenth Century* за 1884 г.; кроме того, в текст были внесены некоторые стилистические правки.

приводит его к понятию о действующих силах, находящихся за пределами восприятия? Как развиваются эти идеи касательно сверхъестественного из идей, касающихся естественного? Переход этот не может быть внезапным; и описание генезиса религии должно начаться с описания тех ступеней, через которые совершается этот переход.

Теория призраков вполне ясно представляет эти ступени. Она показывает нам медленный и ненавязчивый прогресс совершающейся в уме дифференциации невидимых и неосязаемых существ от существ видимых и осязаемых. В том факте, что люди верят, что некое другое Я, предположительно странствующее в сновидениях, действительно делает и видит все происходящее во сне, — в том факте, что это другое Я, которое покидает тело в момент смерти, но, как ожидается, в конце концов в него вернется, воспринимается в качестве двойника, столь же материального, как и оригинал, — мы видим, что сверхъестественный деятель в его простейшей форме очень мало отличается от естественного и представляет собой всего лишь исходного человека, у которого появляются дополнительные способности тайно ходить по округе и творить добро или зло. Когда двойник умершего человека перестает являться во сне тем, кто его знал, это воспринимается как знак, что он умер окончательно, показывает, что эти древнейшие сверхъестественные агенты воспринимаются как обладающие лишь временным существованием: первые тенденции к постоянному сознанию сверхъестественного оказываются бесплодными.

Во многих случаях более высокая ступень дифференциации так и не достигается. Призрачное население — с одной стороны прибывающее за счет смертей, а с другой стороны теряющее своих членов, когда их перестают вспоминать и видеть во сне, — численно не растет; и никто из включенных в него индивидов не становится признанным в последовательно сменяющихся поколениях в качестве установленной сверхъестественной силы. Так, Ункулункулу, старый-престарый, отец-родоначальник у зулусов, считается окончательно, или полностью умершим; умиляются только призраки более недавнего происхождения. Но там, где обстоятельства способствуют продолжению жертвоприношений на могилах и их очевидцами становятся члены каждого нового поколения, коим рассказывают об умерших и передают предание, там постепенно рождается представление о постоянно существующем призраке, или духе.

Так в мышлении устанавливается более отчетливый контраст между сверхъестественными и естественными существами. Одновременно результатом становится рост числа предполагаемых сверхъестественных существ, поскольку их агрегат теперь постоянно получает прирост, и все более крепнет склонность мыслить их как вездесущих и вызывающих все необыкновенные происшествия.

Вскоре возникают различия в приписываемых призракам способностях. Они естественно вытекают из наблюдаемых различий в способностях живых индивидов. В итоге, в то время как умилением обычных призраков занимаются только их потомки, от случая к случаю начинает казаться мудрым умилять также призраков более пугающих индивидов, даже если они не требуют крови. И, стало быть, довольно рано возникают градации сверхъестественных существ, приобретающие в конце концов резкие и определенные очертания.

Привычные войны, которые более, чем все прочие причины, вызывают эти первые дифференциации, вызывают кроме того еще и дальнейшие, более решительные. Ведь по мере вызываемого войнами соединения маленьких обществ в более крупные и дальнейшего соединения последних в еще более крупные, с умножением

властных градаций среди живых людей возникает, конечно, и мысль об умножении властных градаций среди их призраков.

Так с течением времени формируются представления о великих призраках, или богах, более многочисленных второстепенных призраках, или полубогах, и т.д. вниз по лестнице — короче говоря, пантеон; вместе с тем существенные различия по типу еще не проводятся, что мы видим в именовании обычных призраков *манами*—богами у римлян и *элохим* у евреев. Более того, поскольку иная жизнь в ином мире повторяет жизнь в этом мире со всеми ее нуждами, занятиями и социальной организацией, возникает иерархическая дифференциация сверхъестественных существ не только с точки зрения их власти, но и с точки зрения их характеров и видов деятельности. Появляются локальные боги и боги, царящие над теми или иными порядками явлений; появляются добрые и злые духи, обладающие разными качествами; а когда завоевание ставило одно общество над другим, притом что каждое имело свою систему полученных от призрака верований, результатом становилась запутанная комбинация таких верований, образующая мифологию.

Из того, что примитивные призраки — двойники, во всем похожие на свои оригиналы, а боги (если это не живые члены расы завоевателей) — двойники более могущественных людей, вытекает, конечно, что последние изначально воспринимаются как не менее человеческие, чем другие призраки, по физическим качествам, страстям и интеллектам. Подобно двойникам обычных умерших, они предположительно питаются мясом, кровью, хлебом, вином, которые им приносят: сначала в буквальном смысле, а затем — более духовным способом, потребляя их сущности. Они не только предстают зримыми и осязаемыми личностями, но и вступают в конфликты с людьми, их можно ранить, они испытывают боль. Единственное, что их отличает, — это их чудесные способности к исцелению и последующему бессмертию. — Здесь на самом деле надо сделать оговорку; ведь не только разные народы считают, что боги умирают первой смертью (что естественно происходит, когда они члены расы завоевателей, называемые богами просто в силу их превосходства), но и, как в случае Пана, предполагается, даже у культурных народов, что есть вторая и окончательная смерть бога, подобно тому как предполагается вторая и окончательная смерть человека у ныне живущих дикарей.

С развитием цивилизации отделение сверхъестественного существа от естественного становится более решительным. Нет ничего, что сдержало бы постепенную дематериализацию призрака и бога; и эта дематериализация неощутимо крепнет в попытке гармонизировать идеи о сверхъестественном действии: сначала бог перестает быть осязаемым, а позднее — видимым и слышимым. — Параллельно этой дифференциации физических атрибутов от человеческих происходит чуть медленнее дифференциация атрибутов ментальных. Бог дикаря представляется как обладатель ума, вряд ли (если вообще) превосходящего ум живого человека; его легко обмануть. Даже боги полуматериализованных народов заблуждаются, делают ошибки, раскаиваются в своих планах; и только с течением времени рождается представление о всевидении и всеведении. Параллельную трансформацию претерпевает и эмоциональная природа. Грубые страсти, первоначально бросающиеся в глаза и старательно удовлетворяемые верующими, постепенно уходят, и остаются лишь страсти, менее связанные с телесными удовольствиями; со временем и эти последние частично утрачивают человеческие черты.

Приписываемые божествам качества постоянно приспособляются и перепристраиваются к потребностям социального состояния. В военной фазе деятельности главный бог воспринимается как видящий в непокорности величайшее преступление, неумолимый в гневе, безжалостный в наказании; любые мнимые атрибуты более мягкого типа занимают лишь самое скромное место в социальном сознании. Но там, где воинственность идет на спад, а соответствующая ей суровая деспотическая форма правления постепенно ограничивается формой, соответствующей индустриализму, передний план религиозного сознания наполняют те приписанные черты божественной природы, которые согласуются с этикой мирного состояния: все большее распространение получают такие характеристики, как божественная любовь, божественное всепрощение, божественное милосердие.

Чтобы ясно осознать следствия умственного прогресса и изменяющейся социальной жизни, установленные пока лишь в абстрактной форме, мы должны бросить взгляд на то, как они проявляются конкретно. Если непредвзято взглянуть на предания, документы и памятники египтян, то мы увидим, что из их примитивных идей о богах, жестоких или человечных, развивались духовно очищенные идеи о богах и, в конце концов, о боге — развивались до тех пор, пока жречества позднейших времен, отвергнув прежние идеи, не описали их наконец как искажения. Здесь сказалась универсальная тенденция считать исходное состояние высшим — тенденция, прослеживаемая вплоть до теорий нынешних теологов и мифологов. Опять-таки, если отбросить в сторону спекуляции и не спрашивать, какую историческую ценность может иметь «Илиада», мы берем ее просто как источник, указывающий на раннее греческое понимание Зевса, и сравниваем с ним понимание, содержащееся в диалогах Платона. Мы видим, что греческая цивилизация существенно модифицировала (по крайней мере, в лучших умах) чисто антропоморфическое представление о нем: низшие человеческие качества оказываются отброшены, а высшие — преобразованы. Точно так же, если мы противопоставим еврейского Бога, как он описывается в ранних преданиях, подобного человеку по внешнему виду, аппетитам и эмоциям, еврейскому Богу, как его характеризуют пророки, то мы увидим расширение круга его могущества и все большее отдаление его природы от природы человека. А переходя к сегодняшним представлениям о нем, мы убеждаемся в полном его преображении. Благодаря удобной забывчивости божество, в ранние времена представлявшееся как ожесточающее людские сердца, дабы люди могли совершать наказуемые акты, и использующее лживого духа с целью их обмануть, начинает мыслиться по большей части как воплощение добродетелей, превосходящих высшие, какие мы только можем представить.

Итак, признавая тот факт, что в примитивном человеческом разуме нет ни религиозной идеи, ни религиозного чувства, мы обнаруживаем, что в ходе социальной эволюции и сопутствующей ее эволюции интеллекта рождаются идеи и чувства, которые мы отличаем как религиозные, и что благодаря ясно прослеживаемому причинному процессу они проходят через стадии, которые привели их к нынешним их формам у цивилизованных народов.

§ 657. Так какой же, по нашему заключению, может быть эволюция религиозных идей и чувств в будущем? С одной стороны, было бы неразумно предполагать, что изменения, приведшие религиозное сознание к нынешней его форме, внезапно исчезнут. С другой стороны, неразумно предполагать, что религиозное сознание, естественным образом — как мы увидели — родившись, исчезнет и оставит после

себя пустоту. Оно явно должно претерпеть дальнейшие изменения; и как бы сильно оно ни изменилось, оно должно продолжить существовать дальше. Но каких трансформаций следует ждать? Если свести очерченный выше процесс к простейшим терминам, то мы увидим, где нам искать ответ.

Как указывалось в «Основных началах» (§ 96), Эволюция на всем своем протяжении обычно модифицируется Распадом, который в конце концов ее аннулирует: изменения, находящие внешнее выражение, обычно представляют собой лишь разные результаты противоположных тенденций к интеграции и дезинтеграции. Чтобы правильно понять генезис и разложение религиозных систем, а также вероятное будущее тех из них, которые ныне существуют, мы должны принять во внимание эту истину. Во время ранних изменений, создающих иерархию богов, полубогов, богов-манов и духов всевозможных видов и рангов, Эволюция протекает почти без ограничений. Производится консолидированная мифология; по мере того как растет масса составляющих ее сверхъестественных существ, она приобретает все большую гетерогенность наряду с растущей определенностью в аранжировке ее частей и в атрибутах ее членов. Но в конце концов начинает преобладать антагонистический Распад.

Растущее признание естественной причинности входит в конфликт с этой эволюцией мифологии и неосутимо ослабляет те из входящих в нее верований, которые больше всего расходятся с передовым знанием. Демоны и второстепенные божества, господствующие над разными частями Природы, все более перестают фигурировать в мыслях, по мере того как приписываемые им явления все чаще оказываются в наблюдениях подчинены постоянному порядку; и, как следствие, эти мелкие компоненты мифологии мало-помалу прекращают свое существование. В то же время с развитием верховенства великого бога, возглавляющего иерархию, ему все больше приписываются те действия, которые прежде были распределены между многочисленными сверхъестественными существами: имеет место интеграция могущества. По мере того как утверждается вытекающее отсюда представление о всемогущем и вездесущем божестве, постепенно отступают на задний план его предполагаемые человеческие атрибуты: распад начинает действовать на высшую личность в приписываемой ей форме и природе.

Как мы видели, в более передовых обществах, особенно среди высших их представителей, этот процесс уже дошел до слияния всех меньших сверхъестественных сил в одну сверхъестественную силу; и благодаря процессу, который м-р Фиске удачно назвал деантропоморфизацией, эта единственная сверхъестественная сила уже утратила наиболее грубые человеческие атрибуты. Если вещи и впредь будут следовать тому общему курсу, которому они следовали до сих пор, то мы должны заключить, что это отпадение человеческих атрибутов продолжится. Спросим себя, каких позитивных изменений следует ожидать.

Они должны быть созданы совокупным действием двух факторов. Это развитие тех высших чувств, которые уже не терпят приписывания божеству низших чувств, и интеллектуальное развитие, вызывающее недовольство принятыми прежде грубыми толкованиями. Конечно, указывая на следствия этих факторов, я должен называть некоторые уже известные; однако нужно взглянуть на них наряду с другими.

§ 658. Жестокость фиджийского бога, который изображается пожирающим души мертвых и, как можно заподозрить, причиняет страдания во время этого процесса, несопоставима с жестокостью бога, который обрекает людей на вечные муки; и обычное приписывание этой жестокости в церковных формулах, встречающихся в про-

поведях и иногда даже образно иллюстрируемых, становится настолько невыносимо для человека с лучшей природой, что если некоторые теологи его ясно отрицают, то другие и вовсе молчаливо изымают из своих учений. Ясно, что это изменение не может прекратиться, пока не исчезнет вера в ад и проклятие (см. прим. 1). — Исчезновению их будет способствовать растущее отвращение к несправедливости.

Назначение потомкам Адама в сотнях поколений ужасных наказаний за незначительный проступок, которого они не совершали; предание проклятью всех людей, не принявших мнимый способ обретения прощения, о котором большинство даже не слышало; достижение умиловлиения ценой принесения в жертву сына, возможно, ни в чем не повинного, с тем чтобы удовлетворить предполагаемую потребность в искупительной жертве, — всё это способы действия, которые, если бы их приписали правителю, спровоцировали бы выражения омерзения; и приписывание их Высшей Причине вещей, даже сейчас ощущаемое как полное затруднений, должно стать невозможным. — Также должна отмереть вера в то, что Сила, присутствующая в бесчисленных мирах, разбросанных по бесконечному пространству, и не нуждавшаяся на протяжении миллионов лет прежнего существования Земли в почестях со стороны ее жителей, должна быть охвачена страстью к похвале и, создав человечество, сердиться на него, если оно не будет постоянно ей говорить, сколь она велика. Как только люди избавятся от этого очарования древних впечатлений, мешающего им думать, они откажутся предполагать черту характера, обратную благоговению.

Таким же образом обстоит дело и со все более явными логическими несоответствиями растущему интеллекту. Оставив без внимания известные трудности, связанные с тем, что очень многие предполагаемые божественные черты находятся в противоречии с другими приписываемыми божеству атрибутами, — что богу, раскаивающемуся в содеянном, должно недоставать либо могущества, либо провидения, что его гнев предполагает свершение, не совпадающее с его намерениями и тем самым указывающее на ущербность средств, — мы приходим к более глубокому затруднению, состоящему в том, что такие эмоции наряду со всеми другими эмоциями могут существовать только в ограниченном сознании. Каждой эмоции предшествуют некие идеи, а предшествующие идеи обычно предполагаются как возникшие у Бога: он представляется как все видящий и все слышащий и эмоционально этим затрагиваемый. Иначе говоря, представление о божестве, обладающем этими чертами характера, неизбежно остается антропоморфическим, и не только в том смысле, что приписываемые ему эмоции подобны эмоциям людей, но и в том, что они образуют части сознания, которое, как и человеческое сознание, образуется из последовательных состояний.

Такая концепция божественного сознания несовместима как с предполагаемой неизменностью божества, так и с его предполагаемым всеведением. Ведь сознание, складывающееся из идей и чувств, вызываемых объектами и событиями, не может быть занято сразу всеми объектами и событиями в мире. Чтобы верить в божественное сознание, люди должны воздерживаться от мыслей о том, что имеется в виду под сознанием, — должны замирать перед лицом словесных утверждений; и утверждения, которые им не дозволено допускать в свои мысли, будут все меньше их удовлетворять. — Разумеется, трудности такого рода дают знать о себе и тогда, когда речь заходит о воле Бога. Пока мы воздерживаемся от придания определенного значения слову «воля», мы можем говорить, что Причина Всех Вещей обладает ею, с такой же легкостью, с какой можем говорить, что круг обладает любовью к одобрению; но как

только от слов мы переходим к мыслям, которые ими обозначаются, мы обнаруживаем, что объединить в сознании термины одного утверждения мы можем не больше, чем термины другого. Всякий при осознании любой другой воли, нежели его собственная, должен сознавать ее в терминах собственной воли, единственно известной ему непосредственно: все прочие воли лишь выводятся из нее. Но воля, как нам всем известно, предполагает мотив, т.е. некое подстегивающее желание. Абсолютная индифферентность исключает понятие воли. Более того, воля, предполагающая подстегивающее желание, связана по смыслу с какой-нибудь целью, созерцаемой как цель, которой нужно достичь, и прекращается с ее достижением: ее место занимает какая-то другая воля, соотносящаяся с другой целью. Иначе говоря, воля, как и эмоция, с необходимостью предполагает последовательный ряд состояний сознания.

Представление о божественной воле, производное от представления о воле человеческой, подразумевает локализацию в пространстве и времени. Волевое устремление к любой цели исключает на какое-то время из сознания волевое устремление к иным целям и, следовательно, не согласуется с той вездесущей деятельностью, которая преследует одновременно бесконечное множество целей. — То же самое с приписыванием интеллекта. Не останавливаясь на последовательности и ограниченности, о которых уже было сказано выше, мы можем заметить, что интеллект, единственно мыслимый для нас, предполагает не зависящие от него и объективные для него существования. Он реализуется в категориях изменений, первоначально производимых чужими деятельностями: вещи, находящиеся вне сознания, порождают впечатления, и из таких впечатлений возникают идеи. Говорить об интеллекте, существующем в отсутствие всех таких чужих деятельностей, значит использовать бессмысленное слово. Если в ответ на тот королларий, что Первопричина, считаемая разумной, должна постоянно подвергаться воздействию независимых от нее объективных деятельностей, возразят, что они стали таковыми благодаря акту творения, а прежде были включены в Первопричину, то мы на это ответим: в таком случае до этого самого творения в Первопричине не могло быть ничего, чтобы породило бы в нем такие изменения, которые конституируют то, что мы называем сознанием, и, следовательно, она должна была быть неразумной как раз тогда, когда более всего требовался интеллект. Отсюда ясно, что приписываемый интеллект не отвечает ни в каком отношении тому, что мы знаем под этим именем. Это интеллект, из которого исчезли все образующие его качества.

Эти и другие трудности, некоторые из коих часто обсуждаются, но никогда не устраняются, должны отныне заставить людей отбросить высшие антропоморфные качества, придаваемые Первопричине, точно так же, как они уже давно отбросили низшие. Представление, расширявшееся с самого начала, должно расширяться и дальше, пока вследствие исчезновения его пределов не станет наконец сознанием, превосходящим формы отдельной мысли, хотя при этом всегда остается сознанием.

§ 659. «Но как такого конечного сознания Непознаваемого, тем самым молчанием полагаемого истинным, можно достичь последовательными модификациями представления, бывшего явно неистинным? Дикарская теория призраков безосновательна. Материального двойника умершего человека, в которого верит дикарь, никогда не существовало. И если путем последовательной дематериализации этого двойника производилось понятие сверхъестественного деятеля вообще — если представление о божестве, формируемое путем отпадения одних человеческих атрибутов и преобразова-

ния других, было следствием этого непрерывного процесса, — то разве не является развитое и очищенное представление, достигаемое доведением этого процесса до конца, такой же фикцией? Если примитивная вера была абсолютно ложной, то и все производные от нее верования должны быть наверняка абсолютно ложными».

Это возражение выглядит фатальным; и оно было бы фатальным, если бы исходило из верной предпосылки. Как бы неожиданно ни прозвучал необходимый здесь ответ для большинства читателей, он должен быть таким: с самого начала в указанном примитивном представлении содержалось зерно истины, а именно той истины, что сила, проявляющая себя в сознании, есть всего лишь иначе обусловленная форма силы, проявляющей себя за пределами сознания.

Каждый волевой акт доставляет примитивному человеку доказательство наличия некоего источника энергии внутри него. Не то чтобы он думает о своих внутренних переживаниях; но в этих переживаниях такое понимание неявно содержится. Когда человек производит движение в своих членах, а через них движение в других вещах, он сознает сопутствующее этому ощущение усилия. И это чувство усилия, воспринимаемое как antecedent производимых им изменений, становится осознаваемым antecedentом изменений, производимых не им, и дает ему мысленное понятие, с помощью которого он может представить генезис этих объективных изменений. Эта идея мускульных сил как сил, предшествующих необычным событиям в окружающем мире, изначально несет с собой целое скопление ассоциированных идей. Он мыслит предполагаемые усилия как усилия, производимые существами, подобными ему самому. Со временем эти двойники умерших, предполагаемые как творцы чуть ли не большинства знакомых изменений, модифицируются в представлении. Они не только становятся не столь грубо материальными; некоторые из них превращаются в более крупные личности, господствующие над классами явлений, которые, образуя сравнительно устойчивый порядок, предполагают веру в существ, обладающих гораздо большим могуществом по сравнению с людьми, но при этом менее переменчивых в своих способах действия.

В итоге идея силы, проявляемой такими существами, начинает меньше ассоциироваться с идеей человеческого призрака. Дальнейшие шаги вперед, посредством которых менее значительные сверхъестественные деятели сливаются в одного общего деятеля, а личность этого общего деятеля при все большем ее расширении теряет ясность очертаний, ведут к еще большему отщеплению понятия объективной силы от силы, известной в качестве таковой в сознании; и крайней степени эта диссоциация достигает в мыслях человека науки, интерпретирующего в категориях силы не только видимые изменения чувственно воспринимаемых тел, но и все физические изменения вообще, вплоть до волнового движения эфира. Вместе с тем эта сила (представлена ли она в статической форме, посредством которой оказывает сопротивление материя, или в динамической форме, обособляемой в качестве энергии) мыслится последним в терминах внутренней энергии, которую он сознает как мышечное усилие. За неимением иных символов он вынужден символически представлять объективную силу через субъективную силу.

Посмотрим теперь на вытекающие отсюда следствия. Эта внутренняя энергия, которая в опыте примитивного человека всегда непосредственно предшествовала вызываемым им изменениям, — эта энергия, которую он при толковании внешних изменений мыслит вкуче с теми атрибутами человеческой личности, которые со-

единялись с ней в нем самом, — есть та же самая энергия, которая, освободившись от своих антропоморфических сопровождений, рисуется теперь как причина всех внешних явлений. Последней достигаемой стадией становится признание той истины, что сила, как она существует за пределами сознания, не может быть подобна тому, что мы знаем как силу внутри сознания, но что все-таки, поскольку каждая из них способна порождать другую, они должны быть разными модусами проявления одного и того же. Следовательно, конечный итог размышления, начатого примитивным человеком, состоит в том, что Сила, явленная всюду в Море, отличаемо как материальный, есть та же Сила, которая выступает в нас самих в форме сознания.

Следовательно, неверно, что вышеизложенный аргумент предлагает выводить истинную веру из веры полностью ложной. Напротив, конечной формой религиозного сознания является окончательное развитие сознания, которое с самого начала заключало в себе зерно истины, искаженное многочисленными ошибками.

§ 660. Те, кто полагает, что наука разрушает религиозные верования и чувства, видимо, не понимают, что ко всякой тайне, извлекаемой из старой интерпретации, добавляется новая. Или, скорее, можно сказать, что переход от одной к другой сопровождается приращением; ибо объяснение, обладающее мнимым правдоподобием, наука заменяет объяснением, которое, возвращая нас немного назад, оставляет нас в присутствии явно необъяснимого.

В одном из своих аспектов научный прогресс есть постепенное преобразование Природы. Там, где обычное восприятие видело совершенную простоту, он открывает великую сложность; там, где виделась абсолютная инертность, он открывает интенсивную активность; а в том, что казалось просто пустотой, он находит удивительную игру сил. Каждое поколение физиков открывает в так называемой «грубой материи» силы, которые всего несколько лет назад самые образованные ученые сочли бы невероятными. Можно взять в качестве примера способность простой железной пластины улавливать сложные колебания воздуха, производимые членораздельной речью: переводясь в многочисленные изменчивые электрические колебания, они ретранслируются на расстояния в тысячи миль, принимаются там другой железной пластиной, после чего можно вновь слышать членораздельную речь.

Когда исследователь Природы видит, что окружающие твердые тела, кажущиеся неподвижными, оказываются чувствительными к силам, бесконечно малым в своих объемах, — когда спектроскоп доказывает ему, что молекулы на Земле пульсируют в гармонии с молекулами в звездах, — когда ему волей-неволей приходится сделать вывод, что каждая точка в пространстве дрожит вместе с бесконечным количеством вибраций, проходящих через нее во всех направлениях, — представлением, к которому он в гораздо большей степени склоняется, является не представление о Море как мертвой материи, а представление о Море, повсюду живом: живом пусть и не в самом строгом смысле, но по крайней мере в общем.

Этому изменению, к которому постоянно подталкивают исследования физиков, способствует и другое изменение, вытекающее из метафизических исследований. Субъективный анализ заставляет нас признать, что наши научные интерпретации явлений, представляемых объектами, выражаются в терминах наших собственных по-разному комбинируемых ощущений и идей, другими словами, выражаются в принадлежащих сознанию элементах, являющихся всего лишь символами чего-то, лежащего вне сознания. Хотя впоследствии анализ приводит в порядок наши прими-

тивные представления, вплоть до демонстрации того, что за каждой группой феноменальных проявлений всегда есть некий *nexus*, представляющий собой реальность, остающуюся неизменной посреди моря изменчивых видимостей, все же нам становится видно, что этот *nexus* реальности навсегда останется недоступен сознанию.

И когда мы еще раз вспоминаем, что активности, образующие сознание, будучи строго ограниченными, не могут нести внутри себя активностей, выходящих за эти границы, — которые, стало быть, кажутся неосознанными, хотя производство одних из них другими, по-видимому, предполагает, что они имеют в сущности одну и ту же природу, — эта необходимость, заставляющая нас мыслить внешнюю энергию в терминах внутренней, дает скорее спиритуалистический, нежели материалистический аспект Мира: дальнейшие размышления, однако, обязывают нас признать ту истину, что представление, данное в феноменальных проявлениях этой высшей энергии, никоим образом не может показать нам, что она собой представляет.

В то время как представления, к которым таким образом ведет аналитическая наука, несколько не разрушают содержание религии, а только его преобразуют, наука в ее конкретных формах расширяет сферу приложения религиозного чувства. С самого начала прогресс знания сопровождался растущей способностью удивляться. Низшие среди дикарей меньше всего удивляются, когда им показывают замечательные продукты цивилизованного искусства, и поражают путешественника своим безразличием. И так мало чудесного в величайших явлениях Природы они воспринимают, что любые исследования, касающиеся их, расцениваются ими как детская забава. Этот контраст в ментальной установке между низшими человеческими существами и высшими, которые нас окружают, имеет параллель в контрастах между градациями самих этих высших человеческих существ. Не крестьянин, не ремесленник и не купец видят в выводке цыплят нечто большее, чем что-то само собой разумеющееся, а биолог, который, доводя до предела свой анализ феноменов жизни, достигает наибольшего замешательства, когда капляк протоплазмы под микроскопом показывает ему жизнь в ее простейшей форме и заставляет его почувствовать, что, как бы он ни сформулировал эти процессы, действительная игра сил остается непостижимой.

Не в обычном туристе или охотнике, который взбирается в гору, горная долина возбуждает идеи, выходящие за рамки спорта или живописности; она может возбуждать и часто возбуждает их в геологе. Когда он замечает, что окруженная ледником гора, на которой он сидит, потеряла из-за выветривания всего полдюйма своей поверхности со времени, когда еще не было и в помине человеческой цивилизации, а затем пытается мысленно постичь эрозию, вырывшую здесь целую долину, в нем рождаются мысли о времени и силе, которые совершенно им чужды, — и эти мысли, уже неадекватные их объектам, он чувствует еще более тщетными, замечая вокруг искривленные пласты гнейса, которые говорят ему о времени неизмеримо более далеком, когда глубоко под земной поверхностью они были в полурасплавленном состоянии, и говорят ему о времени, неизмеримо превосходящем по отдаленности это, когда их компоненты были песком и грязью на берегах древнего моря.

Не у примитивных народов, полагавших, что небесный свод покоится на горных вершинах, и не у современных наследников их космогонии, повторяющих, что «небеса оглашают славу Господню», находим мы крупнейшие концепции Мира или величайший уровень удивления, возбуждаемый его созерцанием. Скорее мы находим их у астронома, который видит в Солнце массу настолько необъятную, что даже

в одно из его пятен наша Земля могла бы уместиться полностью, не затронув его краев; и именно он с помощью каждого усовершенствования телескопа видит все больше таких солнц, многие из которых гораздо крупнее.

Впредь, как это было и до сих пор, более высокие способности и более глубокое прозрение будут скорее поднимать, нежели понижать это чувство. В настоящее время даже самый могущественный и просвещенный разум не имеет ни знаний, ни способности, требуемых для символического выражения в мышлении тотальности всех вещей. Занятый одним или другим отделом Природы, человек науки обычно не владеет достаточными познаниями, пусть даже приблизительными, о других, чтобы представить масштаб и сложность их явлений; и даже если предположить, что у него есть адекватное знание каждой области, он все же неспособен помыслить их в целом.

Более широкий и сильный интеллект может в дальнейшем помочь ему сформировать смутное осознание их в их целостности. Можно сказать, что в точности как неразвитая музыкальная способность, пригодная лишь для восприятия простой мелодии, не может постичь причудливо переплетенных переходов и гармоний симфонии, объединяющихся в умах композитора или дирижера в захватывающие музыкальные эффекты, вызывающие гораздо более сильные чувства, чем возможны для музыкально необразованного, – так и для будущих более развитых интеллектов ход вещей, ныне воспринимаемый только по частям, возможно, станет понятен в его цельности, и это понимание придет в сопровождении чувства, столь же недоступно-го нынешнему культурному человеку, сколь его чувство недоступно дикарю.

И это чувство вряд ли будет ослаблено, а скорее будет только усилено тем анализом знания, который, подталкивая его к агностицизму, все же постоянно зовет его представлять в воображении решение той Великой Загадки, которая, как ему известно, не может быть решена. И в особенности так должно быть тогда, когда он вспоминает, что сами понятия происхождения, причины и цели – относительные понятия, принадлежащие человеческому мышлению и не имеющие, вероятно, никакого отношения к Конечной Реальности, выходящей за рамки человеческого мышления, и когда он при всем понимании того, что объяснение – бессмысленное слово, когда его применяют к этой Конечной Реальности, все-таки чувствует себя вынужденным думать, что должно же какое-то объяснение быть.

Но одна истина должна становиться все более ясной, а именно: есть Непостижимая Реальность, явленная везде и во всем, для которой он не может ни найти, ни даже помыслить ни начала, ни конца. Среди тайн, становящихся тем загадочнее, чем больше о них думают, останется одна абсолютная определенность: определенность того, что он всегда находится в присутствии Бесконечной и Вечной Энергии, из которой все происходит.

Примечание

1. В ответ на возможную критику можно заметить, что, какой бы силой ни обладали против деистов аргументы Батлера касательно этих и связанных с ними верований (а она может быть очень невелика), эти аргументы ничего не говорят против агностиков.

Пер. с англ. В.Г. Николаева